

ИСТОРИЯ

УДК 93

DOI: 10.18324/2224-1833-2026-1-113-118

Духовная повседневность горожан и церковных служителей в 1930-е гг. (на примере города Красноярска)

С.В. Бусова^a, Г.М. Луцаева^b, А.В. Сабенина^c

Сибирский федеральный университет, проспект Свободный, 79, Красноярск, Россия

^a busovastefka@gmail.com, ^b lusgalina@yandex.ru, ^c asabenina@sfu-kras.ru

^a <https://orcid.org/0009-0003-3522-2789>, ^b <https://orcid.org/0009-0004-0186-9151>,

^c <https://orcid.org/0009-0002-4803-3197>

Статья поступила 12.01.2026, принята 04.02.2026

В настоящей статье проведён комплексный анализ особенностей духовной повседневности церковных служителей и мирян города Красноярска в 1930-е гг. – период наиболее острой фазы антирелигиозной политики советского государства. Исследование раскрывает механизмы выживания, адаптации и сопротивления религиозных общин в условиях репрессий, закрытия храмов, арестов священнослужителей и идеологического давления. На основе архивных документов из фондов Государственного архива Красноярского края, материалов уголовных дел, воспоминаний и опубликованных исследований автор выявляет различия в формах религиозной жизни между духовенством и мирянами, а также стратегии сохранения веры в быту – от тайных молений и домашних икон до подпольных богослужений и передачи духовных знаний в семье. Особое внимание уделено сравнительному анализу социального положения, религиозных практик и повседневных стратегий представителей духовенства и городского населения, что позволяет глубже понять специфику религиозного сознания в условиях тотального атеизма. Статья актуальна в контексте современного интереса к «истории повседневности» и «микроистории», а также в связи с недостаточной изученностью региональных аспектов религиозной жизни в годы сталинских репрессий. Используются общенаучные (сравнительный анализ, систематизация) и специальные исторические методы (историко-типологический, историко-генетический, ретроспективный анализ). Результаты исследования позволяют утверждать, что несмотря на жёсткое давление, религиозная жизнь в Красноярске не исчезла, а трансформировалась, перейдя в частную, семейную и полуправовую сферы, что свидетельствует о высокой устойчивости духовных традиций даже в условиях тотального контроля.

Ключевые слова: духовная повседневность; религиозная жизнь; Красноярск; 1930-е годы; светские горожане; антирелигиозная политика; церковное подполье; рабочие.

The spiritual daily life of citizens and church ministers in the 1930s (based on the town of Krasnoyarsk)

S.V. Busova^a, G.M. Lushchaeva^b, A.V. Sabenina^c

Siberian Federal University; 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

^a busovastefka@gmail.com, ^b lusgalina@yandex.ru, ^c asabenina@sfu-kras.ru

^a <https://orcid.org/0009-0003-3522-2789>, ^b <https://orcid.org/0009-0004-0186-9151>,

^c <https://orcid.org/0009-0002-4803-3197>

Received 12.01.2026, accepted 04.02.2026

This article provides a comprehensive analysis of the peculiarities of the spiritual daily life of church ministers and laity in the town of Krasnoyarsk in the 1930s, the period of the most acute phase of the anti-religious policy of the Soviet state. The study reveals the mechanisms of survival, adaptation, and resistance of religious communities in the face of repression, church closures, arrests of clergy, and ideological pressure. Based on archival documents from the collections of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, materials from criminal cases, memoirs, and published research, the differences are identified in the forms of religious life between clergy and laity, as well as strategies for preserving faith in everyday life, from secret prayers and home icons to clandestine worship services and the transmission of spiritual knowledge in the family. Special attention is paid to the comparative analysis of the social status, religious practices and daily strategies of representatives of the clergy and the urban population, which allows for a deeper understanding of the specifics of religious consciousness in the context of total atheism. The article is relevant in the context of modern interest in the "history of everyday life" and "microhistory", as well as in connection with the lack of study of regional aspects of religious life during the years of Stalinist repression. General scientific (comparative analysis, systematization) and special historical methods (historical-typological, historical-genetic, retrospective analysis) are used. The results of the study suggest that despite severe pressure, religious life in Krasnoyarsk did not disappear, but transformed into private, family and semi-legal spheres, which indicates the high stability of spiritual traditions even under total control.

Keywords: spiritual daily life; religious life; Krasnoyarsk; 1930s; secular citizens; anti-religious politics; church underground; workers.

Введение. Актуальность темы духовной повседневности верующих в условиях антирелигиозной политики 1930-х гг. обусловлена не только научным интересом к малоизученным аспектам религиозного сопротивления и адаптации в условиях тоталитарного давления, но и современной потребностью в осмыслении механизмов сохранения духовной идентичности в экстремальных исторических обстоятельствах. В условиях, когда религия официально объявлялась пережитком прошлого, а её носители подвергались систематическому преследованию, именно повседневные практики – молитва в домашнем кругу, скрытое чтение духовной литературы, передача веры из поколения в поколение – становились ключевыми формами культурного и этического сопротивления. Особенно значимо изучение регионального контекста: Сибирь, и Красноярск, в частности, представляют собой уникальное поле для анализа, где географическая удалённость, этноконфессиональное разнообразие, относительная автономия местных сообществ и слабая плотность административного контроля создавали специфические условия для существования официальной атеистической идеологии и устойчивых религиозных традиций.

Степень изученности вопроса. В советской историографии сложился стереотип, что религия – «девиантное» поведение, пережиток старого буржуазного в новом социалистическом обществе. Считалось, что в социалистическом обществе религия переживала кризис, который сводился исключительно к количественным показателям. Принималось как аксиома утверждение, что число зарегистрированных общин и культовых зданий адекватно отражает состояние религиозности населения. С 1980 г. произошло обновление общественной жизни, которое привело к расширению прав верующих и, соответственно, отразилось на подходах к изучению конфессиональной политики советской власти. Появились новые подходы, больше источниковой базы.

К настоящему времени в историографии проблемы наметились предпосылки формирования единого подхода к изучению конфессиональной политики советской власти, и изучение духовной повседневности в контексте антирелигиозной политики СССР стало важным направлением в последних десятилетиях. Для анализа ситуации в Красноярске особенно важны региональные исследования, акцентирующие внимание на трансформации религиозной жизни в условиях идеологического давления.

Доктор исторических наук, профессор В.И. Исаев в труде «Быт рабочих Сибири, 1926–1937 гг.» обращает внимание на изменение ценностных ориентаций городского населения. Исследование сосредоточено на рабочих, но позволяет понять, как религиозность сохранялась даже в пролетарской среде, вопреки официальному курсу атеистического государства [1, с. 202].

Ключевым источником для анализа духовной среды Приенисейского региона в 1930-е гг. является монография кандидата исторических наук, доцента А.П. Дворецкой. Автор последовательно показывает, что, несмотря на масштабную кампанию антирелигиозной пропаганды, религия сохранялась как элемент повседневности и идентичности. Важным тезисом автора является то, что церковная жизнь начиная с 1920-х гг.

не исчезла, а перешла в «повседневное подполье», далее к 1930 годам, когда государство заняло наиболее жёсткую, по сравнению с предшествующим периодом, позицию в отношении религиозных организаций, где началась трансформация и постепенная адаптация к новым реалиям [2, с. 94].

Также следует упомянуть статью кандидата исторических наук, доцента М.В. Холиной о ломке православных традиций в Красноярском крае, где приводятся конкретные примеры давления на священнослужителей, закрытия храмов и дискредитации религиозных практик через прессу и административные меры [3, с. 8].

Наконец, важный вклад в изучение повседневности верующих в условиях советской власти внесли монографии доктора исторических наук, профессора Н.Б. Лебиной. Автор исследует, как в условиях атеистической пропаганды изменялись религиозные практики, пространственные установки, а также социальные и межличностные отношения среди верующих в городе [4, с. 178]. Наталья Борисовна рассматривает духовную повседневность как важный элемент сопротивления в условиях идеологического давления [5, с. 119].

Таким образом, историография позволяет говорить о сложной картине переживания религиозного опыта в условиях идеологического давления.

Цель исследования – проследить, каким образом массовая идеологическая кампания против религии отражалась в локальном контексте Красноярска – в печати, общественном мнении, поведении горожан и церковных служителей, чья жизнь балансировала между советской и духовной практикой. Важнейший акцент сделан на изменениях в духовной повседневности верующих в условиях антирелигиозного давления.

Объектом исследования является повседневная жизнь горожан и церковных служителей в 1930-е гг.

В соответствии с вышесказанным, **предметом** исследования выступают конкретные формы, практики и стратегии духовной жизни верующих.

Методология. Принцип историзма лежит в основе всего исследования: духовная повседневность рассматривается в конкретных исторических рамках – 1930-е гг., период наивысшего накала антирелигиозной кампании в СССР с учётом местных сибирских особенностей Красноярска. Анализ учитывает динамику изменений: от относительно терпимой политики НЭПа к жёсткому подавлению церковной жизни к концу десятилетия.

Принцип социального подхода позволил провести сравнительный анализ двух ключевых социальных групп – церковных служителей и светских горожан (включая рабочих, женщин, молодежь, пожилых). Это дало возможность выявить различия в стратегиях адаптации: если духовенство было вынуждено уйти в подполье и зависеть от прихожан, то миряне чаще переходили к домашним формам культа, скрывая веру в быту.

Сравнительно-исторический метод реализуется в нескольких плоскостях:

– во-первых, сравниваются стратегии духовенства и мирян, что позволяет выявить различия в механизмах выживания (например, священники служили «по корку хлеба», а миряне прятали иконы рядом с портретами Ленина);

– во-вторых, сравниваются поколения – старшее, сохранявшее веру, и молодое, массово принимавшее атеизм;

– в-третьих, сопоставляется официальная картина (через газеты) и реальность (через архивы), что обнажает пропагандистский характер мифа о «полной победе над религией».

Метод причинно-следственного анализа позволяет выявить, почему религиозная жизнь не исчезла, несмотря на репрессии: причиной стала глубокая укорененность веры в семейной и бытовой культуре, а следствием – формирование «повседневного подполья», трансформация религиозных практик и их уход в частную сферу. Анализ также показывает, как жёсткая политика привела не к уничтожению веры, а к её адаптации и маскировке.

Историко-хронологический метод структурирует исследование по этапам:

– начало 1930-х – массовое закрытие храмов, изъятие колоколов, публичная дискредитация духовенства;

– середина десятилетия – формирование подпольных общин, домашних богослужений, двойственного быта (иконы в уголке, портреты вождей на виду);

– конец 1930-х – почти полное исчезновение открытой церковной жизни, стигматизация верующих, идеологическая победа среди молодежи, но сохранение веры в скрытых формах у старшего поколения.

Такая хронологическая последовательность обеспечивает логичность повествования и позволяет проследить эволюцию духовной повседневности под давлением времени и политики.

Источниковая база исследования. Для анализа духовной повседневности в контексте антирелигиозной политики выделяются два типа источников: опубликованные и неопубликованные.

К опубликованным источникам относится газета *«Красноярский рабочий»* за 1928–1931 гг. В материалах изданий прослеживаются основные формы антирелигиозной кампании, включая статьи, направленные на дискредитацию духовенства и церковных обрядов [6–15]. Особое внимание уделяется номерам, публиковавшим сообщения о закрытии храмов, осуждении священников и «разоблачении» церковных праздников.

Неопубликованные источники включают архивные материалы, такие как документы из Государственного архива Красноярского края (ГАКК). В фондах ГАКК сохранились официальные акты и переписка, проливающие свет на реализацию антирелигиозной политики на местном уровне.

Например, комплекс документов из фонда П-600, оп. 1, д. 160 (собранных в рамках научно-исследовательского проекта «Религия и власть в советский период...») содержит сведения об усилении антирелигиозной пропаганды [16, л. 10].

В другом архивном деле (ф. П-42, оп. 2, д. 33) под названием «Антирелигиозная деятельность Красикова» зафиксированы распоряжения и отчёты, связанные с деятельностью П.А. Красикова – одного из руководителей антирелигиозной политики – включая приказы о закрытии Красноярского собора и ряда городских церквей в 1929–1930 гг. [17, л. 8].

Наконец, материалы ГАКК, ф. П-1, оп. 1, д. 903 отражают итоги кампании: местные отчёты фиксируют фактическое прекращение открытой церковной жизни к концу 1930-х гг. и резкое снижение уровня религиозности населения [18].

Таким образом, использование комплекса разнообразных источников, как периодической печати и архивных документов позволило всесторонне исследовать данную тему.

К концу 1920-х гг. в законодательстве советской власти закрепилось отношение к религии и конфессиям как к явлению пережиточному, тормозящему общественное развитие, чуждому существующему общественному строю, что было зафиксировано в законодательстве страны и отразилось на изменении регулирования конфессиональной политики государства местными органами власти и управления. Итоговым в этом ряду стал день 8 апреля 1929 г., когда на заседании Президиума ВЦИК был принят новый нормативный акт, регулирующий положение и деятельность религиозных организаций – постановление ВЦИК И СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Его принятие означало, что в споре, шедшем во второй половине 1920-х гг. во властных структурах победили те, кто выступал за ужесточение конфессиональной политики советской власти [16, л. 34]. Советская власть активно усилила кампанию по искоренению религии. На государственном уровне проходили агитационно-пропагандистские мероприятия: были приняты постановления о прекращении колокольного звона (Декрет ВЦИК от 16 декабря 1929 г.), регулярно издавались агитационные плакаты и проводились лекции «на тему религии». В итоге к концу 1920-х гг. антирелигиозная пропаганда стала одним из главных элементов «культурной революции». Важнейшим полем борьбы с церковью стало общественное сознание: через школы и СМИ пытались оторвать массы от «старых предрассудков».

В Красноярске антирелигиозная политика выражалась через закрытие храмов, изъятие церковных ценностей и агрессивные публикации в печати. В лучшем случае вопрос о закрытии храмов решался простым голосованием, но чаще всего – административным путём. В ход шли угрозы, шантаж. Во время закрытия культовых зданий имелись случаи хулиганства, осквернения церквей [2, с. 102].

Местные власти по плану «культурной революции» изымали церковные колокола (так, в 1928 г. началась массовая срезка колоколов в городских храмах и их разборка «на кирпич» (например, церковь Спаса Нерукотворного Образа – «Спасская» – в 1928 г. полностью разобрали), что упоминается в газете «Красноярский рабочий» от 20 октября 1928 г., где сообщалось, что «от разборки её будет 321 000 кирпичей, 400 кубов бутового камня и 144 м² мемориальных плит». Тем самым религиозные объекты переводились в экономическую плоскость, и их духовная значимость отвергалась [6, с. 4].

Необходимо отметить, что население региона всеми доступными ему средствами противилось проводимой государством политике в отношении религиозных организаций и верующих. Использовались как пассивные, так и активные методы борьбы.

Представители конфессий апеллировали в органы государственной власти различных уровней (от окружного отдела до ВЦИК) для чего выбирались специальные «ходоки», так как верующие перестали доверять обычному средству апелляции к власти – письму. Распространённым явлением стало проведение «нелегальных» (т. е. несанкционированных органами власти) собраний, на которых вместе с религиозными принимались политические решения [16, л. 73]. В случаях закрытия церквей и снятия колоколов верующие отказывались присутствовать на общих собраниях, подписывать протоколы. Во многих случаях на собраниях присутствовало менее половины жителей города.

В то же время другая часть горожан одобряла наступление на религию. Верующие в их глазах представлялись «отсталыми», и официальная пропаганда закрепляла такой образ. Молитвы и обряды молодёжь считала старомодными, и над теми, кто открыто придерживался религиозных обычаев, нередко насмехались. Регулируемый досуг не предусматривал празднования церковных праздников. Эти привычные для дореволюционной России и возрождённые в годы НЭПа нормы повседневной жизни считались здесь «немодными».

Именно этим словом определяли своё отношение к религии многие респонденты обследования 1929–1930 гг. в монографии Н.Б. Лебиной. Знаковым можно считать следующее выражение: «...это всё старомодно, и многие смеются в бараке над теми, кто исполняет обрядности на глазах других» [5, с. 136].

Между тем, даже после лишения официальных храмов, многие священники пытались продолжать культовую жизнь в непубличной форме. К концу 1920-х гг. церковное подполье Красноярска представляло собой небольшие неофициальные общины: священники совершали службы по звонку или «по корку хлеба», собирая дома по несколько верующих. Активно велись совместные домашние молитвы, чтение духовной литературы и обсуждение религиозных вопросов. Духовенство, лишённое государственной поддержки, зависело от милости прихожан: многие батюшки работали на общественных работах или заводах, получая время для молитвы только по выходным. Однако точных количественных данных по числу сохранившихся «тайных» общин нет; известно лишь, что церковная иерархия к 1930 г. была фактически демонтирована. Что касается мирян, то многие в 1929 г. ещё продолжали придерживаться традиционных верований в быту, переходили на домашние формы культа, иконы берегли и передавали в наследство, но они уже к тому моменту в домах верующих размещались не в центральных местах, как это было ранее, а чаще в уголках или рядом с другими предметами. Многие верующие также стали хранить «атеистические» предметы быта (портреты советских лидеров и т. п.) рядом с религиозной атрибутикой, что отражало адаптацию быта к новой идеологии [4, с. 181]. Христианские праздники начали отмечать в семьях, а не на демонстрациях в церкви, как было раньше [1, с. 205]. Кроме того, советская власть ввела вместо традиционных религиозных обрядов собственные светские ритуалы: крестины заменили церемониями «октябрин», венчания – гражданскими «крас-

ными свадьбами», а отпевания покойников – светскими траурными церемониями [4, с. 185].

Антирелигиозная пропаганда широко начала освещаться в газетах. Редакторам сибирских газет специальным письмом даны указания об «усилении разоблачительной работы» в отношении религиозных организаций и естественно-научной пропаганды в периодической печати. Подписка на антицерковные издания (такие, как журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник») активно насаждалась административными методами [2, с. 101]. Так религиозные праздники стали называть «поповскими», призывалось ликвидировать монастыри и превращать храмовые здания в детские ясли и клубы. В январе 1930 г. накануне православного Рождества газета сообщала, что 7–9 января объявляются рабочими днями в лесу [7, с. 1]. В статье «Союз попа, кулака и эсера» духовенство было объявлено «классовыми врагами», где таким образом сделан акцент на якобы «контрреволюционной сущности» религии. [8, с. 6]. Особо активно газетчики прибегали к инструменту публичного доноса: публиковались письма рабочих, осуждающих «религиозные заблуждения» соседей или коллег. В таких текстах создавался образ «прогрессивного рабочего», который «сжёг иконы», «разоблачил попа» и «организовал лекцию о вреде религии». Это создавало давление на социальную норму и формировало новый «эталон поведения». [17, л. 10]. Такие показательные примеры формировали новый социальный эталон поведения и усиливали давление на верующих, стимулируя отказ от прежних традиций. Неудивительно, что под этим прессингом в 1930 г. началась волна «отречения от сана» бывших священников – часть духовенства публично объявляла о прекращении служения.

По данным архивов ГАКК, в 1929–1930 гг. в Красноярске было закрыто большинство приходов: в документах (18, л. 104) зафиксированы распоряжения о закрытии собора и ряда церквей города. В период массового закрытия церквей верующие теряли возможность, как прежде, посещать храм ежедневно. Это меняло ритм повседневности верующих людей. Церковная жизнь для многих постепенно приобретала фрагментарный характер. Судя по всему, после фактического разрушения приходской сети городов, доступными для прихожан оставались лишь воскресные и праздничные богослужения.

Закрытие церквей в Красноярске означало не только лишение архитектурной и духовной опоры, но и разрыв с укладом, в котором храм задавал смысл повседневности. Резко сократилось число людей, исполняющих религиозные обряды, уменьшилось время, затрачиваемое на отправление религиозных культов; молодёжь вообще практически отошла от религии». Более того, у городских рабочих-производственников вообще «затраты времени на религию не отмечались». В совокупности эти процессы – «вытеснение из быта церковных обрядов, сокращение числа посещающих церковь» – создавали благоприятные условия для ликвидации традиционных церковных практик [1, с. 207].

Особое место занимало изменение поведения в «светские» праздничные дни. Исаев отмечает, что уже в начале 1930-х гг. рабочие сами выступали за от-

мену православных праздников: «Ярким свидетельством вытеснения религиозных пережитков из быта рабочих было движение за отмену церковных праздников» [1, с. 205]. Парадоксально, но сами трудящиеся инициировали работу в дни церковных торжеств: «Большинство из них в праздничные дни выходило на работу». Соответственно, традиционные обычаи постепенно утрачивали значение в общественной жизни.

В 1931 г. антирелигиозная пропаганда в красноярской печати достигла особого накала. Публикации тех лет прямо увязывали успех социалистического строительства с искоренением веры. Так, в одном из передовых материалов конца 1931 г. под заголовком «Массовым безбожием уничтожим орудие классового врага» утверждалось, что приближение мировой революции невозможно остановить «бешеным сопротивлением» церкви, и пролетариат должен отдать все силы на борьбу с религией [11, с. 4]. В другом выпуске газеты за тот же год указывалось, что партийные и профсоюзные органы недостаточно руководят работой ячеек Союза воинствующих безбожников, тогда как борьба против религии должна вестись «повседневно» [12, с. 4].

Официальный процесс пропаганды со стороны власти требовал не ослаблять нажим на церковь ни на день. Газета освещала достижения антирелигиозной кампании: например, сообщалось о росте численности членов Союза воинствующих безбожников, об успехах кружков и создании сети антирелигиозных музеев и университетов (три из них – при колхозах) [11, с. 4]. В статье «На борьбу против пьяных святых дней» подчёркивалось, что местные партиячейки и комсомол должны активно бороться против традиции празднования религиозных праздников, сопровождающихся пьянством [13, с. 4].

Показательно, что даже в материалах на хозяйственные темы звучали антицерковные ноты. Так, весной 1931 г. газета писала о снижении темпов сева из-за того, что в некоторых хозяйствах устраиваются выходные «во всякие дни религиозных праздников и без всяких религиозных праздников» – подавая религиозные выходные как вредный пережиток, тормозящий производство. [14, с. 1]. Также в некоторых номерах газеты встречаются статьи, посвящённые рецензии кино, цирка, театра. Так, например, встречается статья «Безбожница», в которой даётся краткая характеристика фильму с одноимённым названием, имеющая антирелигиозный характер [15, с. 4].

В целом образ церкви, рисуемый «Красноярским рабочим» на 1931 г., полностью соответствовал генеральной линии партии: религия выставлялась пережитком, мешающим социалистическому развитию, и потому подлежала искоренению. Тем не менее, данные, представленные в статьях, часто не совпадали с реальностью. Разумеется, газета не упоминала о сопротивлении верующих, недооценивала их численность и сглаживала острые углы антирелигиозной политики. Содержание этого периодического издания отражает меняющиеся приоритеты и курс национального руководства страны.

В результате антирелигиозной кампании духовенство и миряне испытали разный, но взаимосвязанный прессинг. Духовенство лишилось структурной опоры и было вынуждено перестраивать свое служение: боль-

шинство клириков попало в зависимость от прихожан и работало инкогнито, что резко ограничило их духовную повседневность. Структура их веры изменилась: богослужение «по уставу» практически прекратилось, вместо него доминировали бытовые формы веры и «срывки из молитв», которые священники рассказывали или передавали лично. [3, с. 38]. Домашние службы, как правило, не были систематическими. Священник служил там, где собиралось минимум 4–5 человек. Часто такие собрания проходили в квартирах пожилых женщин или вдов – наиболее устойчивых носителей религиозной традиции [2, с. 96].

Миряне, напротив, перешли к собственным стратегиям «духовного выживания». Утратив возможность открыто собираться в храмах, они усилили домашний культ. Многие городские жители стали относиться к своей вере как к «делу семейному», но в большинстве случаев только старшее поколение, так как более 60 % верующих люди старше 50 лет, тогда как молодёжь, выросшая в атеистической среде, в значительной части утратила связь с церковью [16, л. 77].

К концу 1930-х гг. в городах Красноярского края действующих приходов практически не осталось. В храмах разместились гаражи, цеха заводов, клубы, котельные. Священнослужители лишь в редких случаях тайно совершали обряды крещения или отпевания усопших.

Открытых протестов верующих против закрытия церквей уже не происходило. Напротив, новое поколение, воспитанное в безбожном духе, нашло для себя иную «веру» – в победу социалистического строительства, в праздновании революционных дат, в массовых демонстрациях и яркой символикой советской эпохи [3, с. 40]. Показательно, что по данным школьных аттестов того времени около 87 % детей называли себя атеистами [1, с. 207]. Это свидетельствует об успехе идеологического переориентирования молодежи. Но стоит отметить, что в 1935–1937 гг. в связи с выборами в Верховный совет и местные советы народных депутатов, а также подготовкой новой конституции СССР местными органами были собраны данные о соблюдении верующих религиозных обрядов, обучении детей религии, о религиозной пропаганде, и эти сведения дали результат, что религиозная вера не полностью искоренилась, а продолжала жить, хоть и преимущественно среди старшего поколения и женщин. В связи с этим делались выводы о недостаточности антирелигиозной пропаганды и провале безбожной политики [16, л. 75].

Заключение. Таким образом, к концу 1930-х гг. духовная повседневность верующих Красноярска претерпела коренные изменения под влиянием государственного атеизма. Открытая религиозная жизнь была практически ликвидирована: богослужение перестало быть публичным, и вера проявлялась лишь в виде домашней молитвы и тайных обрядов. Пространство обитания верующих также трансформировалось: иконы исчезли из открытого интерьера, уступив место портретам советских вождей, а религиозные атрибуты сохранялись только втайне – как семейные реликвии. Те же иконы уже к концу 1930-х гг. исчезли из интерьеров городского жилища, но хранились где-то в укромном месте, если не как атрибут веры, то как дань памяти прошлому семье. Социально, религиозная часть горожан превратилась в стигматизированную группу: верующих

стали воспринимать как отсталых, их нередко высмеивали и подвергали давлению окружающие, что вынуждало верующих скрывать свои убеждения. Мировоззренческие установки разных поколений разошлись: старшее поколение сохранило верность прежним религиозным ценностям, тогда как молодёжь 1930-х гг. массово приняла атеизм и увлеклась советскими идеалами.

Но тем не менее, даже под самым жёстким идеологическим прессингом вера не была полностью искоренена, а лишь перешла в скрытую форму. И характерно, что уже в начале 1940-х гг. советская власть была вынуждена частично смягчить антирелигиозную политику, что подтвердило живучесть духовных традиций.

Литература

1. Исаев В.И. Быт рабочих Сибири, 1926–1937 гг. Новосибирск : Наука, 1988. 240 с.
2. Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.): монография. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. 188 с.
3. Холина М.В. Ломка большевиками РПЦ и православных традиций в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 31–41.
4. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 483 с.
5. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб. : Журн. «Нева»; Издат.-торг. дом «Летний сад»; Kikimora, 1999. 317 с.
6. Красноярский рабочий. 1928. № 244.
7. Красноярский рабочий. 1930. № 89.
8. Красноярский рабочий. 1930. № 92.
9. Красноярский рабочий. 1930. № 12.
10. Красноярский рабочий. 1930. № 289.
11. Красноярский рабочий. 1931. № 263.
12. Красноярский рабочий. 1931. № 169.
13. Красноярский рабочий. 1931. № 127.
14. Красноярский рабочий. 1931. № 122.
15. Красноярский рабочий. 1931. № 5.
16. ГАКК Ф. П-600. Оп. 1. Д. 160. Л. 10–77.
17. ГАКК Ф. П-42. Оп. 2. Д. 33. Л. 8–10.
18. ГАКК Ф. П-1. Оп. 1. Д. 903. Л. 104.

References

1. Isaev V.I. Everyday Life of Siberian Workers, 1926–1937. Novosibirsk: Nauka, 1988. 240 p.
2. Dvoretzskaya A.P. Religious Life of the Population of the Yenisei Region in the First Third of the 20th Century (1900–1930s): Monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2015. 188 p.
3. Kholina M.V. The Bolsheviks' Breaking of the Russian Orthodox Church and Orthodox Traditions in Krasnoyarsk Krai (1920–1930s) // Novyi Istoricheskii Vestnik. 2009. No. 3 (21). pp. 31–41.
4. Lebina N.B. Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to the Grand Style. Moscow: Novoye Literary Obozrenie, 2015. 483 p.
5. Lebina N.B. Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies. 1920–1930. St. Petersburg: Neva Magazine; Letniy Sad Publishing and Trading House; Kikimora, 1999. 317 p.
6. Krasnoyarsk Worker. 1928. No. 244.
7. Krasnoyarsk Worker. 1930. No. 89.
8. Krasnoyarsk Worker. 1930. No. 92.
9. Krasnoyarsk Worker. 1930. No. 12.
10. Krasnoyarsk Worker. 1930. No. 289.
11. Krasnoyarsk Worker. 1931. No. 263.
12. Krasnoyarsk Worker. 1931. No. 169.
13. Krasnoyarsk Worker. 1931. No. 127.
14. Krasnoyarsk Worker. 1931. No. 122.
15. Krasnoyarsk Worker. 1931. No. 5.
16. GAKK F. P-600. Op. 1. D. 160. L. 10–77.
17. GAKK F. P-42. Op. 2. D. 33. L. 8–10.
18. GAKK F. P-1. Op. 1. D. 903. L. 104.